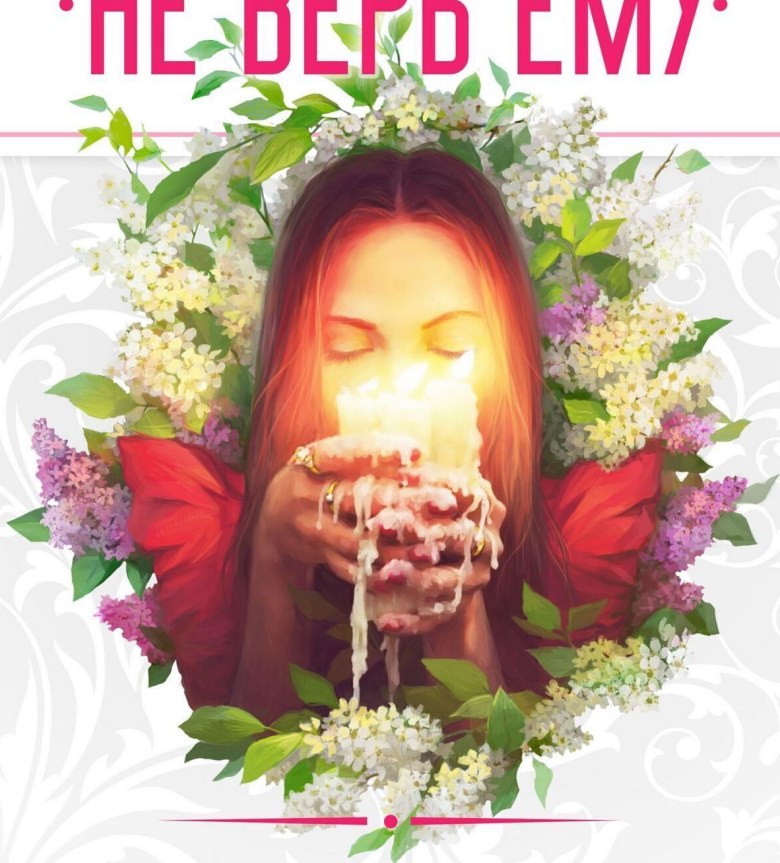

Найталъятъ Винцокурова

• НЕ ВЕРЬ ЕМУ. •

Наталья Евгеньевна Винокурова

Не верь ему

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25095899

ISBN 9785448550560

Аннотация

Лика – содержанка со стажем. Меняя одного богатого любовника на другого, она учится в престижном вузе и живёт, ни в чём себе не отказывая. Но резкая смерть очередного престарелого «папочки» выбивает её из привычной колеи и приводит на порог католического храма. Чем закончится внезапное знакомство с молодым священником, и что они оба будут делать с неожиданно вспыхнувшими, неуместными чувствами?

Содержание

Глава 1. Хватайте шанс	5
Глава 2. Фабрика дельных советов	12
Глава 3. Я не одна	20
Глава 4. Как приклеенная	28
Глава 5. От греха подальше	36
Глава 6. Надежда	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Не верь ему

Наталья Евгеньевна Винокурова

Понимать вещи – значит побывать в них и потом выйти из них. Для понимания необходимо пленение и потом освобождение, очарование и потом разочарование, увлечение и охлаждение. Тот, кто находится ещё под очарованием, так же, как и тот, который не был очарован – одинаково не могут понимать. Мы знаем хорошо только то, чему прежде поверили и потом разочаровались в этом и стали свободными. Чтобы понимать, надо быть свободным.

Анри-Фредерик Амьель

Дизайнер обложки Татьяна Александровна Калинкина

© Наталья Евгеньевна Винокурова, 2024

© Татьяна Александровна Калинкина, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-4485-5056-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Хватайте шанс

Ходить в церковь я не очень-то люблю. С самого детства. Не сказать, что меня этим прямо мучили, но каждую Пасху традиционно таскались освещать куличи. Сначала с бабушкой, потом с мамой. А вот на похоронах ни разу не была – посчастливилось. И наивно полагала, что эта участь меня никогда не коснётся, но у судьбы, как выяснилось, другие планы на мой счёт.

Поправив чёрную юбку так, чтобы она прикрывала если не колени, то хотя бы бёдра, я села на скамейку у храма. Задрав голову, окинула взглядом заострённые пики, уходящие в небо.

Мне выпала доля быть невестой католика, немца Роберта, поэтому его проводы проходили там же, где мы планировали венчаться – в крупном католическом соборе. Здание, сказочно красивое и снаружи, и внутри. Только вот внутрь сегодня я заходить совсем не торопилась, хотя там уже всю шло отпевание. Во-первых, я опоздала к началу, а во-вторых, не очень-то и хотелось снова его видеть. Любоваться там, прямо говоря, нечем. Он и при жизни не был красавчиком, а теперь и подавно.

Из храма доносились поочерёдно то звуки органа, то речь священника. Вот ведь работка у кого-то – устраивать концерты перед мертвецами. Впрочем, музыка красивая, как и го-

лос. Живым тоже должно понравиться.

Кстати, о живых. Достав из сумочки носовой платок, я приготовилась надеть маску убитой горем невесты. А что мне ещё оставалось делать, не позорить же жениха в его последний день на земле перед многочисленными родственниками. Среди них и раньше ходили слухи, что наш предстоящий брак – фиктивный, что мне нужны только его деньги, имущество и бизнес. Впрочем, так и было (шутка ли – двадцатилетняя девушка выходит замуж за шестидесятилетнего старика), но им об этом знать не обязательно.

Ну а мне теперь, помимо всего прочего, предстояло решить много насущных вопросов. А именно: как жить дальше и, в частности, где искать деньги на последний год обучения в универе и на съём квартиры. Сбережений моих без проблем хватит на полгода безбедной жизни, а может даже чуть дольше, но в любом случае придётся срочно переезжать. Двухуровневый пентхаус в центре города мне, при всём желании, самой не потянуть.

Как же всё неудачно и неожиданно вышло. Я-то рассчитывала через месяц выйти замуж и распрощаться с последними отголосками страхов о нищете. Разумеется, я понимала, что жить моему суженному оставалось недолго, но даже мысли не допускала о том, что это может случиться так скоро. Лет пять-десять, по моим подсчётам, у него оставалось.

Увы, бог, во имя которого звучат сейчас эти церковные песнопения, решил за нас иначе. И моя отважная жертва –

год отношений с омерзительным похотливым стариканом – не окупилась.

Я вспомнила, как меня трогали его кривые морщинистые пальцы, и от жалости к себе уже действительно готова была разрыдаться. На мои глаза очень вовремя навернулись слёзы – как раз когда отпевание, наконец, прекратилось, и вся толпа соболезнующих вывалила на улицу. Однако мой звёздный час так и не состоялся. Гости, не смотря по сторонам, погрузились в кортеж из ритуальных автобусов и вскоре были таковы. А я так и осталась сидеть на скамейке – в растерянных чувствах и со слезами на глазах.

Мысок чёрной туфельки-лодочки задумчиво ворошил опавшие лепестки черёмухи. Куда дальше? Домой – вернее, в съёмную квартиру – не хотелось. В универ – тоже. Вообще не хотелось никуда идти. Тёплый майский воздух одновременно и размаривал, и вводил в какое-то мёртвое оцепенение. Даже слезинки так и не соскользнули по щекам. Замерли. Будто замёрзли.

Я уперлась локтями в колени и закрыла лицо руками. Звук органа и голоса прихожан стихли. Храм, закончив отпевание, теперь заслуженно отдыхал. А вместе с ним, в этой тишине, решила отдохнуть и я. Ещё немного. Ещё пять минут вдали от всей этой московской суеты. От будничной суматохи, к которой так не хочется возвращаться.

– Доброго дня. Вы хотели исповедаться? – глубокий голос, неожиданно раздавшийся откуда-то сверху, заставил меня

вздоргнуть.

Глядите-ка, священник. Самый настоящий католик, каких я раньше видела только в фильмах – в строгой чёрной рясе с белым воротничком. В руках он держал чётки из чёрного камня, куда для убедительности был подвешен небольшой крест.

Вообще, если уж говорить о служебной экипировке, то мне больше по душе униформа моряка, полицейского или, на крайний случай, пожарного – она придаёт даже самому простенькому парню тонну неопишуемого шарма. Но и сутану я сейчас рассматривала с растущим интересом. Вроде бы ничего особенного, простой фасон, а скроено так, что выгодно подчёркивает все достоинства фигуры – прямую осанку, атлетичный торс, широкие плечи... Да ещё и вытягивает и без того высокий рост.

Окинув говорившего взглядом снизу вверх, я добралась до его лица и мигом позабыла обо всём – кто я такая, зачем пришла сюда и, уж тем более, о чём меня только что спросили. Передо мной стоял симпатичный молодой мужчина – готова поспорить, ему было не больше тридцати. По голосу ни за что не догадалась бы. Это же он, судя по всему, только что отпел моего несостоявшегося жениха своим профессионально поставленным вокалом.

Встретившись со мной глазами, священник располагающе улыбнулся. Впрочем, его лицо тут же снова стало серьёзным, и он всем своим видом показал, что готов меня выслушать.

– Отец Тимофей, – представился он, протянув мне руку.

Что-то в нём было такое необычное и очаровывающее. То ли на фоне моих великовозрастных любовников, то ли по сравнению с заросшими православными священниками в рясах, едва налезających на покатые животы – он смотрелся по-особенному. Высокий, статный брюнет, с лёгким загаром и живым лицом, которое ничуть не портила отпущенная в разумных пределах, ухоженная борода. Но самое сильное впечатление на меня произвели глаза. Светлые-светлые, небесно-голубые. Цвета чистого летнего неба.

Так и не дождавшись от меня рукопожатия, он вздохнул и снова обратился ко мне, теперь уже на «ты»:

– Дочь моя, почему ты здесь? – его гипнотизирующий баритон пробирал до костей и вызывал мурашки. – Тебя что-то гнетёт?

«Да, меня гнетёт, что такие обаятельные парни, как ты, в расцвете лет уходят от мира сего, получают сан и называют девушек дочерьми», – чуть было не ответила я, но удержалась.

– Здравсьте, – вместо этого выпалила с ощутимым опозданием. Но лучше уж поздороваться поздно, чем и вовсе никогда.

Кивнув, он присел на скамейку рядом со мной. Минуту или две мы молчали, потом он положил свою руку мне на плечо:

– Я чувствую, что тебе о многом нужно рассказать.

Не противься. Станет легче.

На моей памяти, если мужчина садился так близко, то он тут же лез лапаты мои интимности или как минимум обниматься. А вот так целомудренно, по-отцовски, меня давно уже никто не трогал. Вообще не припомню, когда я была свидетельницей такого нетребовательного радушия. Наверное, именно это меня подкупило, и я сдержанно признала в ответ:

– Да, знаете... У вас чутьё. Я во многом виновата перед богом.

– Бог всегда готов слушать и прощать своих детей.

– Поверьте, он вряд ли будет рад моим аморальным речам. Я хоть и журналистка, но приукрашивать не умею.

– Постараюсь донести до него твой рассказ в максимально корректной форме, – он произнёс это хладнокровно и даже чуточку строго, но его глаза улыбнулись мне. – Так что не тревожься, он тебя поймёт. А если не поймёт, то это будет всецело моя вина. Как тебя зовут?

– Анжелика. Лика.

– Анжелика... – повторил он. – Ангельская. Прекрасное имя.

– Но ничего общего не имеет с моим внутренним содержанием.

Отодвинув край рукава, он взглянул на часы:

– До следующей мессы ещё целых два часа. Давай продолжим в исповедальне?

Пожав плечами, я согласилась. В конце концов, почему бы

и нет? Никогда не участвовала в исповедях, да ещё и католических. К тому же, это ясно как дважды два: если загорелый голубоглазый брюнет с фигурой полубога (чьи достоинства не в силах скрыть даже ряса в пол) куда-либо вас зовёт – не отказывайте. Какая разница, куда. Пускай даже в церковь – хватайте шанс. Потом разберётесь.

Глава 2. Фабрика дельных советов

– Эээ, а мне обязательно залезать в эту будку? У меня вообще-то клаустрофобия. Может, я просто на скамеечке посижу?

Отец Тимофей покосился на меня с зарождающимся подозрением:

– Дочь моя, ты ранее никогда не исповедовалась?

– Нет. Вы будете у меня первым.

– Если станет неуютно, – он терпеливо пропустил мой подкол, – то ты в любую секунду сможешь прервать нашу беседу и уйти. Дело в том, что дееспособных прихожан церковью принято исповедовать именно здесь. Исключения возможны только для тяжелобольного или инвалида.

Всем своим видом он дал мне понять, что ни первым, ни вторым меня не считает. Хоть на этом спасибо.

Вздохнув, я зашла в тесную каморку, уселась на хлипкий стульчик и постучалась в разделяющую нас деревянную решётку:

– Вы уже там?

– Да, дочь моя.

– Тогда я начну?

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Ну, держитесь там, все трое! Сейчас у вас ушки-то как свернутся в трубочку от моей биографии! Вернее даже вчет-

вером держитесь, если приплюсовать отца Тимофея.

Ладно уж, была не была!..

– Всё началось двадцать лет назад. В далёком девяноста седьмом, когда я умудрилась родиться...

Нет, честное слово, до моего рождения всё шло относительно неплохо. А если ещё учитывать, что мой папочка отправлял матушку на аборт, но она заступилась за меня и послала его, то я вообще могу назвать себя счастливымчиком. По крайней мере, меня не порвали на части медицинскими инструментами и дали шанс родиться. На этом, правда, моё везение заканчивается.

Папочка окончательно свалил от нас, когда мне было около трёх месяцев. То ли мои крики мешали ему спать или смотреть футбол, то ли загулял – не знаю, история умалчивает. Главное, что он по-быстрому смотал удочки, и был таков. Больше я его никогда в жизни не видела.

А через год, в девяноста восьмом грянул кризис, и нам стало совсем хреново. Матери срочно пришлось выйти на работу, я осталась с бабушкой. Бабушка была, кстати, шибко набожная и даже пыталась учить меня каким-то молитвам, которые я успешно позабыла. И куличи вкусно пекла на Пасху. Только вот воспитывать не умела и кнутом против меня не пользовалась. Впрочем, пряников тоже не было – на сладости не хватало денег.

В итоге я рано начала заниматься своей личной жизнью. Ну а чем ещё заниматься после уроков девочке, растущей без

родителей? Первый парень у меня появился, когда я училась в восьмом классе. Мне четырнадцать, ему двадцать шесть. Познакомились на улице, в мой возраст сразу не поверил. Сказал, что выгляжу гораздо старше. Ну, в общем, закрутилось-завертелось у нас. Начал ухаживать, водить меня по кафе, цветы дарить, одежду, ювелирку, телефон... Я, конечно, так обрадовалась, что отказывать ему не стала ни в чём, хоть он мне особенно и не нравился. Была счастлива шикануть как следует – я же таких денег отродясь не видела. Грешили ли мы с ним? О, ещё как грешили! Всеми известными способами. Правда, мне это никакого удовольствия не приносило, но зато я знала, что он после таких фееричных прелюбодеяний никуда от меня не денется. Он вроде бы влюбился даже. Во всяком случае, сделал мне предложение.

Свадьбу мы планировали сыграть сразу после моего восемнадцатилетия. Я за это время закончила школу, поступила в вуз. По блату, в МГУ, на журналистику. И всё бы хорошо, но через четыре года случился облом – его посадили, причём надолго. Оказалось, был мошенником. Я поняла, что его не дождусь, а жить ведь как-то надо.

Стала искать ему замену. Как назло, выгодные мужики все были гораздо старше меня. Но делать нечего. Не то чтобы я сразу скатилась до стариканов, нет. Всё получилось как-то постепенно. Первому любовнику было тридцать семь. Второму тридцать девять. Следующим двум, которых я одновременно охмурила, сорок шесть и пятьдесят. Они о существо-

вании друг друга не подозревали, но очень гармонично сочетались вместе. Один, например, купил мне тачку, а другой в тот же день без предупреждения подарил права. Через месяц рассталась с обоими. Вбила себе твёрдое правило: надолго ни с одним не задерживаться. Нащупать предел его возможностей, выжать сразу по максимуму, а потом помахать ручкой. Это Дашка меня научила, моя однокурсница.

У Дашки, между прочим, к двадцати годам уже трёшка на Киевской, коттедж на Рублёвке и «ауди» восьмая. А три года назад, когда только-только в Москву переехала, жила в общежитии без копейки в кармане. Так что мозги у неё работают как надо. А ещё шутят, что блондинки глупые. Уж поверьте, она любой шатенке, вроде меня, фору даст! Ходячая фабрика дельных советов. Кстати, именно она познакомила меня с моим вторым несостоявшимся женихом – руководителем крупной немецкой фирмы.

Немцу с фамилией Кляйн было уже за шестьдесят, и фамилия его в данном случае оказалась не просто говорящей, а прямо кричащей.¹ У него был маленький член, маленькие порсячьи глазки, да и сам он был маленького роста. Ни же меня на полголовы, метр с кепкой. А вот кошелек у него оказался на удивление большим. Прямо-таки безразмерным. Как и сексуальный аппетит.

Поначалу, конечно, было противно с ним трахаться. А после секса я не могла даже заставить себя уснуть рядом. На-

¹ Klein (нем.) – маленький.

стояла, чтобы он выделил мне в своём доме отдельную спальню, куда я уходила после актов насилия над собой. Там я запиралась на ключ, накрывалась с головой одеялом и тряслась, корчилась, иногда меня от нервов тошнило. К счастью, санузел у меня тоже был отдельный, так что немец моих бульканий не слышал и не просыпался. Храпел вместо этого на весь дом, ни о чём не подозревая.

После полугода наших отношений я начала пить антидепрессанты. Немного помогло, что удивительно. Смогла, наконец, привыкнуть. Тем более, к этому времени моя жизнь окончательно наладилась. У меня было почти всё из того, что входило в мои планы на ближайшее будущее. Кляйн даже пообещал скоро купить мне квартиру. Мы много путешествовали, начали подолгу разговаривать вечерами. В основном рассказывал он, а мне было интересно его слушать. Как он жил в Германии, как основал бизнес, как расширился, как переехал в Россию. Говорил он искренне, без лишней гордости, это интриговало. Я поняла, что человек он был неплохой. Просто загнанный, выжатый и пытавшийся себя отвлечь новыми ощущениями от бессмысленной работы, которая больше не приносила удовольствия. Когда он рассказывал про свою первую любовь, я даже всплакнула немножко. Так романтично он всё описывал. Я-то никогда в жизни не влюблялась. Вообще никогда, представляете? Вернее, конечно, влюблялась, но не в людей, а в их кошельки.

В общем, жили мы и не тужили, пока однажды я внезап-

но не залетела. Как это произошло – не имею не малейшего понятия, потому что мы всегда предохранялись. Закралось даже подозрение, что старик втайне проколол презерватив.

Узнав о беременности, он настолько обрадовался, что в тот же день наградил меня кольцом с бриллиантом в 100500 карат и оповестил о помолвке всех своих близких и далёких родственников. О боже, что я тогда пережила. Выходить замуж, а тем более рожать, в мои планы абсолютно не входило, и я впала в настоящую панику.

– Спокуха, рыбка! – трещала мне в телефонную трубку Дашка, когда я позвонила ей в рыданиях. – Всё идёт как надо. Это идеальный вариант! Станешь фрау Кляйн, родишь ему. Потом, если надо будет, ещё алименты сколешь с него на себя и на ребёнка.

– Не хочу я никаких алиментов и ребёнка не хочу! – редела я. – Я сама ещё ребёнок. А он мне в деды годится!

– Зайка, расслабься. Он не так уж и плох.

– Не плох?!... Да ты только представь нас рядом! Я и этот старый пердун! Не пойду за него, ааа!..

– Киска, ну хорош уже нюни пускать. Включай голову! Кляйн твой через пару лет доработается и крякнет, а вы с ребёнком наследство получите.

– Дашка, я с ним от депрессухи сама первая сдохну!

– Не сдохнешь. Тебе ж таблетки выписали. Вот и пей их!.. – я заныла ещё горче, а она тем временем мечтательно вещала на своей волне. – О, как же тебе повезло! Ты только

вдумайся – если станешь его вдовой, то с таким состоянием будешь свободна на всю оставшуюся жизнь. Полная свобода! Сечёшь фишку, а?

Фишку я просекла и лучшую подругу всё же послушалась. Мы подали заявление, началась подготовка к пышной свадьбе. Я даже уже свыклась с ролью его невесты, но сомнений в том, что хочу стать матерью, с каждым днём было всё больше. Я боролась с собой. Честно. Отговаривала себя до последнего. И всё же в один день сломалась.

За месяц до нашей свадьбы я пошла в больницу и сделала аборт. Кляйну наврала, что случился выкидыш, и заранее подкупила персонал, чтобы они мне поддакнули. От наркоза я отходила трудно, сутки лежала в реанимации, ничего не соображала. Перед глазами всё крутилось и вертелось как в бреду. А когда меня, наконец, откачали и перевели в обычную палату, то я узнала, что у моего жениха после несчастного известия случился сердечный приступ, и он скоропостижно скончался.

Ещё чуть позже я узнала, что когда его нашли мёртвым в рабочем кабинете, одной рукой он держался за сердце, а второй сжимал мобильный телефон. Но звонил вовсе не в «скорую», а мне. У меня тогда даже холодок по спине прошёлся. Что он хотел мне сказать? Может быть, хотел напомнить, что всё равно любит меня, несмотря ни на что. Или поддержать. Или узнать, как моё здоровье. Хотя, это всё только домыслы. Как там оно на самом деле, никто и никогда

уже не узнает.

Странно это всё, знаете. И страшно. Я стараюсь отвлечься, но всё равно в глубине души чувствую себя виноватой в его смерти. Особенно ночами лезут в голову всякие тяжёлые мысли. Я вообще-то в жизнь после смерти не верю, но тогда почему он теперь каждую ночь мне снится? Наверное, никак не может простить...

А сегодня были его похороны, но я не пошла. Не смогла себя заставить, хоть и пыталась изо всех сил.

В общем-то, вот и вся история. Простите, что не happy-end, но спасибо, что выслушали.

Глава 3. Я не одна

Когда я закончила свой рассказ и перевела дух, с другой стороны окошка было так тихо, что я слышала только потрескивание свечей у алтаря. Не иначе как отец Тимофей либо уснул, либо отошёл выпить кофе.

Отодвинув вбок шторку, я высунула лицо наружу:

– Эй, вы здесь?

И тут же наткнулась на его выразительные, пристально смотрящие на меня глаза. Судя по всему, он действительно меня слушал и даже не спал, не пропустив ни единого слова – именно поэтому не сразу вышел из глубокого ступора.

– Зря я вам всё это наговорила, да? В церкви так не принято?

– Дочь моя, не тревожься, ты поступила правильно, – поспешно убедил меня он, очнувшись. – Просто, положив руку на сердце, я впервые сталкиваюсь с такой отвагой. Сейчас я попрошу Бога отпустить твои грехи. Не сомневаюсь, он вознаградит тебя за твою искренность.

– К чему мне его награды! Лучше посоветуйте, как жить дальше.

– Молись. Обращайся к нему. Кайся. Проси его наставить тебя на верный путь.

– А разве вы не можете за меня помолиться? Ну, как профессионал своего дела...

Отец Тимофей сначала удивлённо вздёрнул бровь, потом его рот едва заметно искривился, и я уловила в этой гримасе снисходительную иронию.

– Да что вы ржёте надо мной?! Так бы и сказали, что у вас времени нет на мои проблемы! Или что проблемы слишком уж серьёзные. Зачем издеваться-то?!

– Дочь моя, я не...

– И перестаньте называть меня дочерью!

– Раба божья Анжелика, – кротко поправился он, и я опять уловила в его голосе одной мне понятное ироничное пренебрежение. – Присядь и успокойся. Разумеется, в свободное время я молюсь о своих прихожанах.

– Значит, и обо мне замолвите словечко?

– Обязательно.

– Ну и славненько. На этом закончим. Сколько я вам должна?

Пастор снова опешил, но на этот раз быстро вернул себе дар речи:

– Лучшая благодарность за помощь – в свою очередь помочь нуждающемуся.

– А кто здесь нуждается? Вы, что ли?

– В мире много обездоленных. Накорми хлебом голодного, помоги беспомощному, дай милостыню нищему, и тебе зачтётся.

– Так вот вы о чём, понятно, – пробубнила я, поднимаясь, и добавила тише. – Скоро самой пора будет милостыню про-

силь.

— Анжелика! — окликнул он меня, когда я была уже у выхода. — Что бы ни случилось, знай, двери храма всегда для тебя открыты!

— Только этого не хватало, — буркнула я. — Досвиданья.

И, уходя, не забыла погромче хлопнуть той самой открытой дверью. Чтобы точно никогда больше сюда не вернуться — ни на венчание, ни на похороны. Уж чего-чего, а сарказма, пусть даже хорошо замаскированного, я от этого парня не ожидала и спокойно перенести не могла.

Да кто он вообще такой, чтобы смеяться над моей жизнью?! Тоже мне, святоша!..

* * *

Придя домой, я залезла в ванну с эфирными маслами, выпила, лёжа в ней, большую кружку какао и уже через полчаса, намотав полотенце на голову, звонила подруге.

— Хай, птичка, как всё прошло? — выпалила та после первого гудка, и по звукам музыки на заднем фоне я поняла, что она сегодня тоже забила на учёбу.

— Дашка, ты даже не представляешь, с кем я сегодня познакомилась! — выдохнула я в трубку. — В этом храме Девы Марии... там тако-о-ой священник!..

— Кто?! Вдовушка моя, да ты, я смотрю, от горя совсем рассудок потеряла! Ты что, запала на попа?!..

– Ну... Не то, чтобы запала, но он мне понравился. Представляешь, я ему исповедовалась. Всё рассказала, как есть, а он даже не упрекнул ни разу! Просто слушал, молча.

– Что рассказала?!

– Про свою жизнь. Про грехи. Про мужиков, Кляйна, аборт...

– Мать, это тебе к психологу надо, а не к попу. Чем поп-то поможет? Нет, ну я не спорю, отец Димитрий, например, с ютуба иногда может реально круто отжечь, но...

– Даш, он другой. Он... Тебе просто нужно его увидеть, и ты сама поймёшь. Давай вместе как-нибудь сходим туда ещё раз?

– Да иди ты! Я даже не крещёная. Что я там забыла!

Мои аргументы иссякли. Несколько секунд мы обе молчали, потом она примиряющее спросила:

– Ладно, а зовут-то его как?

– Тимофей.

– А на кого похож?

– На... бога.

– Что, седовласый и с бородой?

– Нет, на другого бога, греческого.

– А, Аполлон, понятненько. Ну, с тобой всё ясно, подруга. Ты у нас втрескалась, значит, – Дашка картинно вздохнула, выключила музыку и заключила коротко. – Трындец.

Закончив болтать, я ещё долго сидела на кухне с мокрой головой. Её даже сушить не пришлось, высохла сама. Уклад-

ка, правда, получилась на любителя, но я ведь всё равно не планировала никуда идти. Прошлой ночью я спала всего три часа и сегодня хотела лечь пораньше.

Посмотрев на гору успокоительных лекарств, на этот раз я так и не выбрала ни одно, а выпила просто стакан воды и поднялась в спальню. И правда, зачем пичкать себя химией, если она всё равно не помогает.

В комнате было жарко и пахло чем-то затхлым. Открыв окно, я залезла под одеяло и закрыла глаза. Уставшее, гудящее тело вмиг расслабилось, отключаясь. А я, утонув во мраке, стала смотреть всё тот же, хорошо известный мне сон.

Начинается он всегда с того, что я просыпаюсь и нахожу себя не дома в своей кровати, а в спальне Роберта, но его рядом нет. За окнами темно. Я встаю, иду к двери практически на ощупь, спускаюсь на первый этаж. Там тоже темнота, только под дверью рабочего кабинета тускло мерцает дрожащий свет. Будто горят свечи.

Я толкаю дверь и захожу туда. Кляйн стоит у окна, спиной ко мне. В левой руке он держит подсвечник, в правой – какой-то кулёк. Я уже знаю, что в этом кульке, но пока ещё не вижу.

Услышав скрип петель, он поворачивается. Блики догорающих свечей освещают в темноте его лицо. Бледное, морщинистое, с серыми кругами под глазами. Завёрнутый в пелёнку ребёнок, которого он прижимает к себе, кряхтит, потом начинает плакать. От этого звука лицо старика искажается,

как будто от боли. Он начинает укачивать «новорожденно-го». Хотя, правильнее будет сказать «нерождённого».

Гневно смотрит на меня:

– Лица, ты...

Ну давай, скажи, что я разбудила ребёнка. Я помню текст, он говорит то же самое уже которую ночь подряд.

– Ты опять разбудила нашего сына. Ты плохая мать. Ты обманула меня. Ты...

Обычно он говорит «Ты убила нас!». После этой фразы мне становится душно, будто кто-то сжал руки на моём горле. Он по-прежнему заботливо качает ребёнка, но его злые чёрные глаза душат меня. Я чувствую, что не могу сделать вдоха, в панике разворачиваюсь и бегу куда-то в темноте, натываясь на непонятные предметы и сшибая всё на своём пути. Но выхода нет. Я никак не могу найти дверь. А он преследует меня. Дышит в шею холодным воздухом и дрожащим голосом продолжает обвинять.

О боже, нет. Неужели сейчас это повторится снова. Моя спина покрывается капельками пота.

– Ты обманула меня, – говорит он ещё раз. – Ты...

Судорожно прервавшись, он открывает рот, и у меня внутри всё замирает. Но вдруг я слышу другой голос – спокойный, твёрдый, звучный. И произносит он совсем другие слова:

– Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твоё, да приидет Царствие Твоё, да будет воля Твоя и на земле, как

на небе...

Такой знакомый, глубокий баритон. Он звучит сзади, за моей спиной. Роберт замолкает, ребёнок тоже перестаёт плакать, и даже свечи, как мне кажется, горят теперь более ровно, не отбрасывая чёрных острых теней на стены.

— ...Хлеб наш насущный дай нам на сей день и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим...

Кто-то подходит ко мне сзади и кладёт руки на плечи, не позволяя отвернуться и убежать. Но я уже не хочу никуда бежать. Страха больше нет, ведь я не одна.

— ...И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого...

Пахнет ладаном. Этот запах ни с чем не спутаешь — терпкий, дурмнящий, обволакивающий. Его ароматный светлый дым постепенно наполняет собой комнату. Поднимаясь вверх от самого пола, он с нежностью окутывает наши силуэты.

Тело Роберта за считанные секунды тонет в клубах бледно-серого тумана и теряет свои очертания. Они с ребёнком сначала тускнеют, становясь похожими на призраков, потом и вовсе растворяются. А вместе с ними исчезают пол, потолок и стены этого дома, освобождая меня от заточения.

На мои глаза внезапно наворачиваются горячие слёзы.

— Простите меня! — кричу я им вслед. Или это кричит моя душа, потому что я не ощущаю, как двигаются губы. — Пожалуйста, простите за всё!

– ...Ибо Твоё есть Царство и сила и слава вовеки, – вторит мне мужской голос.

Кошмар рушится, как карточный домик. Теперь я нахожусь уже в другом месте – посреди бескрайнего рассветного поля. Мои босые ноги стоят прямо на траве, и ступнями я чувствую прохладу первой росы. Дым ладана превращается в молочный утренний туман. Пронизанный лучами солнца, он понемногу рассеивается.

– Вечный покой даруй усопшим, Господи, и свет вечный да сияет им. Да покоятся в мире. Аминь.

– Отец Тимофей?..

Я оборачиваюсь и смотрю в эти чистые светло-голубые глаза, будто бы искрящиеся изнутри. Мне хочется прильнуть к его широкой груди, но он отступает назад и говорит уже тише:

– Молись, – его бархатный голос тонет в колокольном звоне. – Молись, Анжелика!..

– Пожалуйста, подождите!!!

Но мужчина делает ещё один шаг назад, опускает голову и исчезает в утренней дымке.

Глава 4. Как приклеенная

На лекции по правоведению Дашка Смирнова, в отличие от меня, никогда не опаздывала. Откинув назад свои шикарные, почти до пояса, идеально прямые волосы, она оперлась локтями на парту и вся подалась вперёд, слушая преподавателя. Её подбородок лежал на раскрытых ладонях, и она с неподдельным восторгом внимала скучному монотонному голосу то ли Алексея Александровича, то ли Александра Алексеевича (постоянно забываю), глядя на него снизу вверх. Правда когда я, извинившись за опоздание, села с ней рядом, подруга вздрогнула так, что стало понятно – мыслями она была где-то далеко-далеко от учебных вопросов.

– О, привет, детка! – томно мурлыкнула она, подвинувшись. Её огромные зеленющие глаза при этом не отрывались от увлечённо вещающего препода. – А я уж думала, ты в храме, на утренней молитве.

– Дашка, он ко мне приходил! – громким шёпотом воскликнула я ей на ухо. – Ночью, представляешь?!

Тут она наконец-то на меня посмотрела:

– Фига себе! А как он узнал твой адрес?!

– Да не вживую. Во сне.

– Ааа, – подруга разочарованно махнула рукой и принялась дальше строить из себя прилежную студентку, быстро

отстукивая наманикюренными пальцами по клавиатуре своего макбука.

Раскрыв тетрадь, я попыталась последовать её положительному примеру, но получалось плохо. До конца пары я даже ручку не достала, и, соответственно, не записала ни единой буквы. А когда лектор поравнялся с нашим рядом и, взглянув на мой чистый лист, многозначительно вздохнул, я даже не догадалась перед ним извиниться, только выдавила из себя глупую улыбку.

– Не вовремя ты это затеяла, – отчитывала меня Смирнова на обеде в столовой. – Ох не вовремя!..

Озадаченно на меня посмотрев, она присосалась к бутылочке обезжиренного кефира.

Обычно на большой перемене я ем как лошадь – первое, второе, третье и компот – а подруга пьёт то йогурт, то кефир. Оно и понятно – сберечь такую фантастически тонкую, осиную талию стоит немалых трудов. Красота требует жертв. Вот и приходится либо сидеть на жёсткой диете, как Дашка, либо регулярно нервничать и тошниться по ночам, как я.

Вспомнив, сколько килограммов было потеряно за год отношений с Кляйном, я налегла на свои макароны и с набитым ртом переспросила:

– Что затеяла?

– Любовь-морковь свою. Я, конечно, понимаю, весна на дворе. Травка зеленеет, солнышко блестит... Но, ёлки-палки, сессия скоро! Как ты её будешь сдавать, если у те-

бя ни лекций, ни «папочки» нету?!

– Что-нибудь придумаю. Выкручусь. Деньги пока есть, а лекции... лекции я у тебя возьму! Ты же отправишь мне?

– А что если не отправлю? – подруга ехидно потрясла перед моим носом своим ультратонким девайсом, а когда я потянулась за ним, отдёргнула руку в сторону.

– Куда ты денешься! Только не сейчас. Давай лучше вечером. А то я сегодня на последнюю пару забью, надо кое-куда съездить. Но со среды, клянусь, начинаю новую жизнь!

Дашка ехидно фыркнула и в шутку замахнулась на меня «яблоком»:

– Убила бы! – и тут же смягчила голос, переходя на свой любимый приторный тон. – Ну ладно, ласточка. Пользуйся, пока я добрая. Да, и не забудь сегодня свечку за моё здоровье поставить! Я же знаю, куда ты намылилась...

* * *

Сидя в своей «бэхе», я барабанила пальцами по рулю, время от времени окидывая взглядом пики храма Девы Марии. Уже начинался вечер, а я всё стояла напротив ворот, прямо под знаком, запрещающим парковку, и никак не могла решиться выйти из машины.

Снова смотреть в глаза отцу Тимофею было стыдно. Во-первых, после всего, что я ему наговорила о себе. Угораздило же меня так по-идиотски начать знакомство! Во-вторых –

учитывая то, как я нахамила ему и убежала, хлопнув дверью, мне явно следовало перед ним извиниться. Извиняться не хотелось. Признавать свою неправоту – тоже. Ну а в-третьих, если, не дай бог, он спросит, зачем я к нему приехала, то наверняка получит в ответ ещё одну порцию глупостей, ведь я и сама до конца не понимала, почему снова здесь оказалась.

И всё же, несмотря на всю абсурдность происходящего, просто взять и уехать я тоже не могла.

Закинув голову на спинку кресла, я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Выдохнула. Поправила причёску. Улыбнулась себе в зеркале заднего вида. Ну, а теперь пошла!.. Пошла, я тебе говорю!

Одеревеневшие ноги совсем меня не слушались, и я, выходя из машины, чуть было не села в лужу, причём, в прямом смысле этого слова. Днём над Москвой грохотала гроза, и дождь от души затопил дороги. Чертыхнувшись и помянув недобрым словом дворников, не удосужившихся прочистить в центре города сточные отверстия, я наспех стряхнула брызги воды со своей клетчатой мини-юбки и запрыгнула на тротуар.

Пастор не обманул. Двери храма и впрямь оказались открыты, даже несмотря на то, что внутри шла служба. Я тихонько прошла в зал и села на скамейку в последнем ряду, стараясь не привлекать к себе внимание. Хотя как тут не привлечь к себе внимание. Мало того, что я в своём наряде

школьницы явно выделялась на фоне остальных более-менее скромных прихожан, так ещё и понятия не имела, как следует вести себя на подобном мероприятии. Всё, что мне оставалось – это иногда невпопад креститься, следуя примеру впередисидящих католиков.

Отец Тимофей заметил меня не сразу. Стоя у алтаря в бело-золотом одеянии, он произносил какую-то молитву, на этот раз не по-русски. Его и без того громкий голос, отражаясь от стен, звучал раскатисто и с эхом. Уверенно читая текст на незнакомом мне языке, он долгое время не смотрел в зал, потом, наконец, поднял глаза и неожиданно прервался. Запнулся, будто бы на полуслове. Пауза была незначительна – очень скоро он продолжил говорить как ни в чём не бывало – но мне хватило этого, чтобы понять: он меня узнал.

Теперь он изредка, ненадолго отрываясь от текста, бросал короткий взгляд на скамью в самом дальнем ряду, где сидела только я, больше никого. Тембр его голоса, как мне показалось, стал чуть мягче. И сексуальнее. Не знаю, что он вещал в этот момент, вполне возможно что-то серьёзное и трагичное, но я, к своему окончательному стыду, от его речей возбуждалась так, что «потекла». А через полчаса, когда служба закончилась, как приклеенная осталась сидеть на скамейке, боясь встать.

– Анжелика! – проводив последних прихожан, он поравнялся с задним рядом и обстоятельно подметил. – В прошлый раз ты забыла сказать, что не католичка.

– Да, я православная, – подняв голову, призналась я. – А что в этом такого? Я теперь не попаду в рай?

– Если будешь вести праведную жизнь, попадёшь, – строго отрезал он. На этот раз даже совсем не улыбнулся.

– Ну ладно, – теперь уже не он, а я старалась его разговаривать. – Интересно, а как вы меня разоблачили?

– Очень просто. Ты крестишься справа налево.

– А как надо?

– У католиков – слева направо.

– Да ладно?!..

Отец Тимофей проигнорировал мою ремарку и сделал вид, что ему срочно нужно осмотреть убранство алтаря.

– Почему вы сегодня такой суровый? – окликнула его я. – Что-то случилось?

Он остановился на полпути, но всё ещё продолжал стоять ко мне спиной:

– В прошлый раз я был непозволительно весел. Я уже просил у Бога прощения за это, а теперь прошу у тебя. Благодарю тебя за то, что доверила мне историю своей жизни.

– И вам спасибо. Мне после исповеди немножечко легче.

– Поэтому ты пришла снова?

– Нет. Просто соскучилась.

Он резко обернулся и внимательно посмотрел на меня своими невозможно-красивыми глазами цвета молочной лазури. Но ничего не ответил. Только перебирал в руках чётки.

– Вы молились за меня этой ночью?

Удивлённо вздёрнув бровь, он снова подошёл ко мне и на этот раз присел рядом.

– Да, – ответил с небольшим опозданием.

– Мне кажется, я слышала вашу молитву. Даже смогла разобрать слова. Неужели её правда можно услышать вот так, на расстоянии?

– Конечно. Молитва того, кто истинно верует, звучит подобно колоколу, и её звон летит во все стороны со скоростью света. Иначе как, по-твоему, она достигает Бога?

– Не знаю, вам виднее, – я пожала плечами и притихла.

Он тоже больше ничего не говорил, и какое-то время мы просто молча сидели рядом. Смотря, как тусклый вечерний свет бликует в разноцветных осколках мозаики на окнах, я испытывала непередаваемое ощущение спокойствия и радости. Это был какой-то особый, ранее не знакомый мне вид наслаждения, для которого не нужны были деньги, роскошь, прикосновения и слова. Просто его присутствие...

Боже мой, Ли́ка! Чувствую твоими мокрыми трусиками – ты вляпываешься во что-то нехорошее.

– Сегодня в восемь у нас будет органнй концерт. Хочешь послушать?

– Хочу, – не задумываясь, ответила я. – А почём билеты?

– Бесплатно.

Кажется, отец Тимофей уже привык к моим меркантильным вопросам, поэтому отвечал без удивления и терпеливо. Пытаясь унять учащённое дыхание, я придала голосу про-

хладной отстраненности:

– Тогда тем более. Я приду. Вот только сейчас найду парочку нищих и голодных, накормлю их и вернусь. Ждите.

Глава 5. От греха подальше

На город опускались сумерки, когда я снова вернулась в храм и села на своё излюбленное место в последнем ряду.

Зал понемногу наполнялся людьми. Слушатели рассаживались, что-то активно между собой обсуждая. Музыканты готовились к выступлению. Изредка сновали туда-сюда незнакомые мне духовные лица. Я то и дело озиралась по сторонам в поисках отца Тимофея, но его нигде не было видно.

Верхний свет постепенно притушили. Вот-вот должен был начаться концерт, и я уже успела внутренне возмутиться предстоящей перспективе слушать его в гордом одиночестве. Но тут со стороны алтаря внезапно раздался голос, который невозможно было ни с чьим перепутать:

– Бог в помощь, – звучно произнёс пастор и наспех перекрестил присутствующих. Сейчас он был в своей обычной, чёрной сутане, но всё равно не остался незамеченным. Многие люди приветствовали его стоя, кто-то из первого ряда обратился с вопросом, сути которого я издалека не разобрала. Коротко кивнув в ответ, он торопливо прошёл через зал и сел рядом со мной.

– Спасибо, что пришли, – шепнула я. – А то без вас тут как-то совсем уныло.

Он ещё раз кивнул и сохранял молчание, пока взгляды

людей снова не вернулись к музыкантам. Когда прихожане, наконец, перестали сверлить его глазами, он вытащил из рукава два билета и протянул один из них мне:

– Это твой.

Я удивлённо взяла из его рук плотную карточку и пробежалась глазами по тексту. Помимо времени и названия концерта там была выбита цена.

– Но вы же сказали, что...

– Я тебя пригласил, – безапелляционно перебил он, всем своим видом давая понять, что споры и протесты неуместны.

Сначала я опешила. Потом, очнувшись, открыла было рот, чтобы выразить своё возмущение по поводу его вероломного обмана, но в это время за нашими спинами вдруг раздалось скрипучее:

– Чудны-ы дела твои, Господи!²

Вздрогнув и повернув голову, я уткнулась в рясу ещё одного священника. Седой тощий мужчина лет пятидесяти, глядя на нас сверху вниз, неодобрительно покачал своей тонкой козлиной бородкой и прищикнул:

– Отец Тимофей, право слово, вы так необычно смотрите рядом с нашей... новой прихожанкой?.. которая... хм... не постыдилась войти в Храм Божий в столь откровенном наряде.

Полуобернувшись через плечо, отец Тимофей спокойно парировал:

² Цитата из Библии (Откровение 15:3).

– Тот из вас, кто без греха, пусть первым бросит в неё камень.³

Обменявшись вырезками из авторитетного источника, коллеги утихомирились и без лишних слов расселись друг от друга подальше. Вернее, мы остались сидеть там, где сидели, а козлинобородый торопливо удалился в противоположный конец зала.

Вскоре верхний свет погас совсем, осталась только боковая подсветка стен, и музыканты, наконец, завели свои шарманки. Звучали орган, флейта, виолончель, пел церковный хор. Исполняли, судя по программке, Баха, Моцарта, Дебюсси, Генделя и треки других бессмертных гениев, имена которых мне совершенно ни о чём не говорили.

Отцу Тимофею же, в отличие от меня, творчество классиков, похоже, нравилось. Он полностью выключился из реального мира – внимал музыке с закрытыми глазами, откинувшись на спинку скамьи и приподняв голову. Исподтишка любуясь им, я и сама, незаметно для себя, начинала кайфовать.

Темнота расслабляла. Можно сказать, снимала с тормозов. Мне хотелось прикоснуться к нему. Придвинуться поближе и дотронуться пальцами до его руки, лежащей на скамье, недалеко от моей. Запустить под неё свою похолодевшую ладонь, чтобы ощутить тепло. Но я сдерживалась. Время от времени, когда совсем накрывало, поглубже вдыхала

³ Цитата из Библии (От Иоанна 8:7).

умиротворяющий аромат ладана, которым ощутимо пахли его волосы и сутана. И тут же нехотя возвращалась с небес на землю.

Лица, притормози! Очнись. Ты что, забыла, это священник! Священник, милая моя! Обет безбрачия, и всё тому подобное. Ишь, возомнила себе. Нафантазировала. Да нахрен ты ему сдалась со своими мокрыми трусиками! Подумаешь, на концерт позвал. Ему просто жалко тебя, такую размазню, стало. Меньше надо было ныть.

А ну-ка убери руки от греха подальше! Слышишь?! Вот умница. А ещё лучше – засунь их в карманы своей кожанки... Молодец, хорошая девочка. Так держать. Теперь слушай этих своих Моцартов и Гайднов. Или Генделей. Неважно.

И, главное, дыши глубже. Вдох. Выдох...

* * *

Когда концерт закончился и мы вышли на улицу, в небе над городом уже вовсю разлилась ночь. Было прохладно и тихо. Ненадолго задержавшись у ступеней, я обернулась, чтобы полюбоваться тем, как красиво храм подсвечивается в темноте.

Отец Тимофей, постепенно возвращаясь из своей медитации в наш бренный мир, посмотрел на часы и аккуратно подметил:

– Уже поздно. Подвезти тебя до дома? – в его руках откуда ни возьмись появились ключи от машины.

Ничего себе, оказывается, он за рулём! Хотя, почему бы и нет. Священник – не человек что ли? Ему ведь тоже как-то надо добираться до работы. Не подметать же рясой перроны в метро.

– Нет, спасибо. Я сама водитель, – уверенно ответила я и тут же об этом пожалела. Надо же было упустить такой шанс! Расставаться с ним, несмотря на поздний час и гудящую усталость во всём теле, совсем не хотелось, а тут он – сам! – нашёл предлог ещё немного пообщаться.

– Да, я помню. Купленные права.

Он говорил спокойно, как и всегда, но я опять слышала в его голосе какой-то подвох. Будто он хладнокровно подшучивает надо мной. Ясное дело, мне ничего не осталось, кроме как за себя заступиться:

– Ну и что, что купленные? Я уже научилась хорошо ездить!.. – и в этот же самый момент, почти без паузы воскликнула. – Вот чёрт!!!

На месте, где ещё не так давно стояла моя красавица-«бэха», сейчас было пусто. Подняв голову и посмотрев на знак эвакуации под кружком, запрещающим парковку, я ощутила себя полной, просто круглой душой. Такой же круглой, как луна, освещающая сейчас пустой асфальт передо мной. Ведь видела же этот знак, честное слово! Ещё подумала, что если решусь всё же пойти в храм, то обязательно перепаркуюсь.

Но пошла туда и забыла обо всём на свете.

Проследив за направлением моего взгляда, отец Тимофей на всякий случай уточнил:

– Ты оставила свою машину здесь?

Не дождавшись ответа, он закусил губу и опустил голову, коснувшись пальцами лба. Его широкие плечи и пресс заметно подрагивали. Окончательно сдавшись, я со стоном признала:

– Ладно, согласна. Тут я и правда ступила. Разрешаю вам поржать надо мной открыто.

В моей интонации сквозили слёзы, как у обиженного ребёнка.

Взяв себя в руки, пастор посмотрел на меня. Улыбка, ещё не успевшая исчезнуть с его лица, очаровывала до головокружения. Всё же ему очень идёт. Даже если предмет насмешки – я.

– Не расстраивайся, – доброжелательно воодушевил меня он, беря за руку. – Дело поправимое. Сейчас я позвоню и узнаю, где искать твою карету. Только, может, сначала сядем ко мне? Ты замёрзла. Рука ледяная.

Несколькими минутами позже я, немного успокоившись и согревшись в салоне его чёрного «патриота», уверенно проговорила:

– Отец Тимофей, я вам очень признательна за поддержку, но за машиной я съезжу сама. Завтра днём. Надо же мне когда-то учиться самостоятельной жизни. Уже давно пора.

Он снова окинул меня взглядом, на этот раз одобрительно. И протянул бумажку, на которой записал адрес штрафстоянки:

– Хорошо, Анжелика. Как скажешь. Тебя подбросить к метро или...?

– Можете до дома, – великодушно разрешила я. – Тут недалеко, я на Арбатской живу. Вернее... жила. Скоро съезжаю.

Мне опять стало грустно. С одной стороны от того, как стремительно меняется, причём не в лучшую сторону, моя жизнь. С другой – потому что я снова не удержалась и начала ему об этом жаловаться. Как будто больше нам обсудить нечего.

В ответ он сдержанно вздохнул и сам пристегнул меня ремнём безопасности. Очень мило получилось с его стороны. Заботливо. По-отечески. Пронаблюдав за осторожным движением его руки, я даже несмело задумалась, что, возможно, всю жизнь ошибалась в своём выборе мужчин. А сейчас словно прозрела – словила инсайт.

Я вдруг поняла, в чём разница между «папочкой» и «отцом»...

По дороге мы молчали, но стоило нам припарковаться у моего подъезда, как он снова вернулся к разговору, уточнив:

– Значит, ты возвращаешься в родительский дом?

– Да, к маме с бабушкой. Куда же ещё.

– Благодарю за это Бога. Не жалуйся. У тебя есть семья и кров. Знала бы ты, скольким людям в мире некуда идти и некуда возвращаться.

– Да, – повторила я, – понимаю. Спасибо вам, что подвезли. И за концерт тоже. Орган, оказывается, такие прикольные звуки может издавать...

– Анжелика... – он перебил меня и тут же прервался, подбирая слова.

Я посмотрела в его лицо, освещённое лунным светом, и переспросила тихонько, почти бездыханно:

– Что?..

– Когда у тебя будет немного времени... после всех этих срочных дел... или вместо них... Давай увидимся снова?

Его сверкающий взгляд охотился за моими глазами, то и дело норовившими убежать. Он был так непривычно близко и смотрел так пристально, что я стушеввалась. А если я тушуюсь, то всегда начинаю нести какую-нибудь ерунду, чтобы это скрыть. Вот и сейчас я зачем-то ляпнула:

– Вы что, хотите завербовать меня в католики?

– Упаси Господь! – выдохнул он. – Религия – это личное дело каждого.

– Тогда зачем вы постоянно зовёте меня в храм?!

– Я ничего не говорил о храме!

И правда. Мои щёки загорелись румянцем, а губы пробормотали:

– Да ну вас! – и я поспешно выпрыгнула из машины.

Отец Тимофей выскочил следом, чудом не запутавшись в сутане:

– Анжелика, постой!

– Ну что ещё?

– Я... буду тосковать.

И кто только программировал наш, женский мозг! Почему он постоянно запрещает губам говорить то, что хотят сказать чувства, да ещё и меняет интонацию голоса так, что ни в жизнь не догадаться, что у нас на самом деле на душе?.. Например, мне хотелось ответить ему нежное «Я тоже», но язык снисходительно брякнул:

– Может тогда позовёте меня в кафе?

Ну, не самый худший вариант. А то ведь могла бы, разнервничавшись, и вовсе его послать. Только грубовато слегка вышло.

Отец Тимофей стойко выдержал атаку и продолжал смотреть на меня вполне себе добродушно. Я бы даже сказала, благодатно. После недолгой тишины он улыбнулся и кивнул:

– Как раз это я и собирался предложить. Давай завтра сходим куда-нибудь поужинать?

– Я подумаю.

Шикарный ответ, Лика! Особенно после того, как ты только что сама ему это посоветовала.

– Я заеду в девять.

От этих его слов внутри у меня всё затрепетало. Я была готова ехать прямо сейчас, и куда угодно – хоть на край света.

Но, симитировав зевок, ответила максимально безразлично:

– Давайте лучше в полдесятого.

– Договорились, Лика. Светлых снов тебе!

Он сел обратно за руль, а я щёлкнула замком домофона и, стараясь держать осанку прямо, неспешно зашла в подъезд.

Маска, под которой скрывались мои реальные чувства, держалась добротнo, как влитая. Она ещё оставалась на лице какое-то время, пока я ехала на свой этаж и пыталась дрожащей рукой вставить в замочную скважину ключ. Только когда передо мной, наконец-то, закрылась металлическая дверь квартиры, я радостно взвыла, сбрасывая её с себя. Прижавшись спиной к стене, сползла вниз, словно погружаясь в какую-то жаркую вулканическую лаву. Мои щёки вспыхнули, глаза тоже. Я сначала смеялась, потом рыдала, потом снова смеялась. Потом танцевала в прихожей. Наконец, устав, взяла перерыв и пошла на кухню выпить воды.

Сев на подоконник со стаканом минералки, я взглянула вниз и тут же застыла на месте. Чёрный, блестящий в голубоватом лунном свете, «уазик» всё ещё стоял у моего подъезда. И хотя с такой высоты ни Тимофей, ни я не смогли бы разглядеть друг друга, я всё равно отпрянула назад и поспешно задёрнула занавески.

Глава 6. Надежда

Новая жизнь со среды, разумеется, не наступила. Мало ли что я там пообещала Дашке. Сегодня планы изменились, и мне вместо первой пары позарез нужно было вызволять свою серебристую «девочку» из плена штраф-стоянки.

Закрыв глаза и прислонившись затылком к стеклу с надписью «Не прислоняться», я тряслась в поезде метро. Несмотря на ранний час и переполненный вагон, на моём лице сияла улыбка. Всё никак не исчезала со вчерашнего вечера. Кажется, я даже спала с ней.

Улыбка делала неважным всё вокруг. Меня ничуть не пугали ни толпы разгорячённых пропотевших мужчин, ни женщины, залитые дешёвыми духами. Час-пик в московской подземке, которого я раньше боялась как огня, сейчас совсем меня не тревожил, ведь мыслями я была далеко отсюда.

Конечно, я могла бы вызвать себе такси и доехать без шума и давки, но мне вдруг захотелось немного прогуляться по старому Арбату, и так, незаметно для самой себя, я очутилась у стеклянных дверей метро.

Доехав до нужной станции, я зашла на длинный, практически бесконечный эскалатор и только тогда включила телефон, выключенный вчера перед концертом. Тут же пришло несколько сообщений от Дашки и один неотвеченный вызов от неё же.

Даша Смирнова 9:08 Киска, ты ещё с нами, или мы тебя потеряли? :-D

9:22 Попросила старосту не ставить тебе Н-ку.

9:53 Ну вот! :-(Неужели даже «спасибо» не дождусь?!

10:28 Ты неисправима! Лекции у тебя на почте))

Ещё шире улыбнувшись, я настрочила в ответ:

Я 10:45 Дашка, спасибо! :-* Я сегодня не приду.
Не могу. У меня вечером свидание!

Почти тут же она мне перезвонила и воскликнула громко, забыв поздороваться:

– С ке-е-ем это?!

– С ним! – выдохнула я, придерживавшись за поручень. Моя голова снова слегка закружилась, как и вчера.

– Что, опять молиться пойдёшь?

– Нет. Он пригласил меня на ужин!

– Ого!!! Как? Куда? Зачем?!

Последний её вопрос оказался очень метким. Я ведь и сама до конца не понимала, зачем нам обоим эта встреча. Почему мне так сильно, до внутреннего писка, хотелось снова его увидеть – догадывалась. А вот зачем – нет.

– Дашуль, не знаю. Я тебе потом позвоню и всё расскажу!
Сейчас еду за машиной. В метро.

– А что с ней?!

– Эвакуировали. Всё, до вечера. Не волнуйся за меня. Целую!

Убрав телефон, я запоздало покачала головой, удивляясь сама себе.

Ещё неделю назад я даже и не представляла, что буду до головокружения рада идти на свидание с каким-то фриком в сутане. Пусть молодым и безумно красивым, но не особо обеспеченным, а соответственно – бесперспективным.

Какая же всё-таки непредсказуемая штука – жизнь.

* * *

Получив обратно машину, я вернулась домой к четырём часам дня и всё оставшееся время провела в подготовке к свиданию. Готовиться пришлось не только психологически, но и физически – ванная с целой серией косметологических процедур, потом педикюр, маникюр, укладка, макияж и долгое зависание в гардеробной с извечным вопросом «Что надеть?».

Вечер обещал быть тёплым, поэтому в итоге я остановилась на своём любимом открытом платье ярко-алого цвета. Короткое, эффектно облегающее: подчёркивает бёдра, попу, талию, а глубокий вырез оголяет грудь – в общем, подходящий вариант, чтобы свести с ума любого мужчину, даже закоренелого праведника. Prada. Та самая, которую носит дьявол. Дорогущее было, жуть! Но, к счастью, куплено (как почти всё в моём гардеробе) не мной.

Надев несколько самых ценных, благим матом кричащих

о своей стоимости украшений, я окинула себя взглядом в зеркале. Образ был завершён и, казалось бы, придраться не к чему. Я всегда примерно так и одевалась на свидания с очередным потенциальным «папочкой». Как говорила Дашка: «Если хочешь сколоть с него побольше крутых подарков, надо всем своим видом сразу продемонстрировать, что ты ни в чём не нуждаешься». И это отлично работало, да. Но сейчас что-то шло не так. Увешанная, будто ёлка, всеми этими бриллиантами, я не чувствовала себя уверенной. Скорее даже наоборот – ещё больше заволновалась и принялась ходить по огромной гостиной кругами, стараясь унять мандраж.

Время сначала неумолимо тянулось, как кисель, а потом вдруг поскакало куда-то галопом. Полностью собравшись ещё за час до назначенного времени, я всё равно умудрилась опоздать. Знакомый «патриот» уже давно стоял под окнами у подъезда, а я, снова увидев своё отражение в зеркале, вдруг поддалась неконтролируемому импульсу и принялась срывать с себя все предметы роскоши. Кроме платья, разумеется. Его из соображений приличия пришлось всё же оставить. А вот цепочка, кольца, браслеты и серьги были безжалостно отправлены обратно в шкатулки.

С облегчением выдохнув, я кинула документы и ключи в клатч, вошла в туфли – такие же алые – и, наконец, покинула своё убежище.

Отца Тимофея я сначала не узнала. Наверное, я вообще

прошла бы мимо этого парня в обычной, светской одежде, если бы он вдруг не поздоровался со мной, окликнув по имени.

Повернувшись друг к другу, мы оба на какое-то время лишились дара речи и замерли как вкопанные. Загоревшимися глазами он скользнул по моей фигуре сначала сверху вниз, а потом снизу вверх. Чуть задержавшись в районе груди, его взгляд почти сразу вернулся к лицу. Вот это самоконтроль!

Я же, в отличие от него, не могла прийти в себя гораздо дольше. Ну никак не ожидала вместо привычной сутаны увидеть его в традиционном, земном облики. Мне почему-то казалось, что священники даже в магазин ходят, как на парад, в своей униформе, а, оказывается, нет. Он был одет в классические брюки и заправленную в них чёрную рубашку. На поясе – кожаный ремень. Туфли начисто отполированы. На пальце левой руки – печатка с чёрным камнем. Его профессию сейчас выдавала разве что полоска белой ткани у ворота рубашки. Если бы на её месте был галстук, то я бы предположила, что это офисный сотрудник. Руководитель. У которого, безусловно, нет отбоя от секретарш.

На этом мои удивления не закончились. Его строгой бородки больше не было. Совсем. Он её начисто сбрил! Когда я взглянула на ямочки рядом с уголками его губ, у меня перехватило дыхание от волнения. Кто бы мог подумать, что этот очаровательный молодой мужчина, который по-доброму улыбается мне, склонив голову чуть набок, на самом

деле... о боже мой, Лика, дыши! Иначе сейчас шлёпнешься в обморок!

– Привет, – повторил он, мельком взглянув на наручные часы. – Я уже подумал, что ты не придёшь. Рад тебя видеть!

– Привет. Простите, что опоздала. А где?... – с трудом перебарывая удивление, мешавшее говорить, я попыталась жестами намекнуть сначала на сутану, потом на бороду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.